

Сельский священник

Александр Дремух

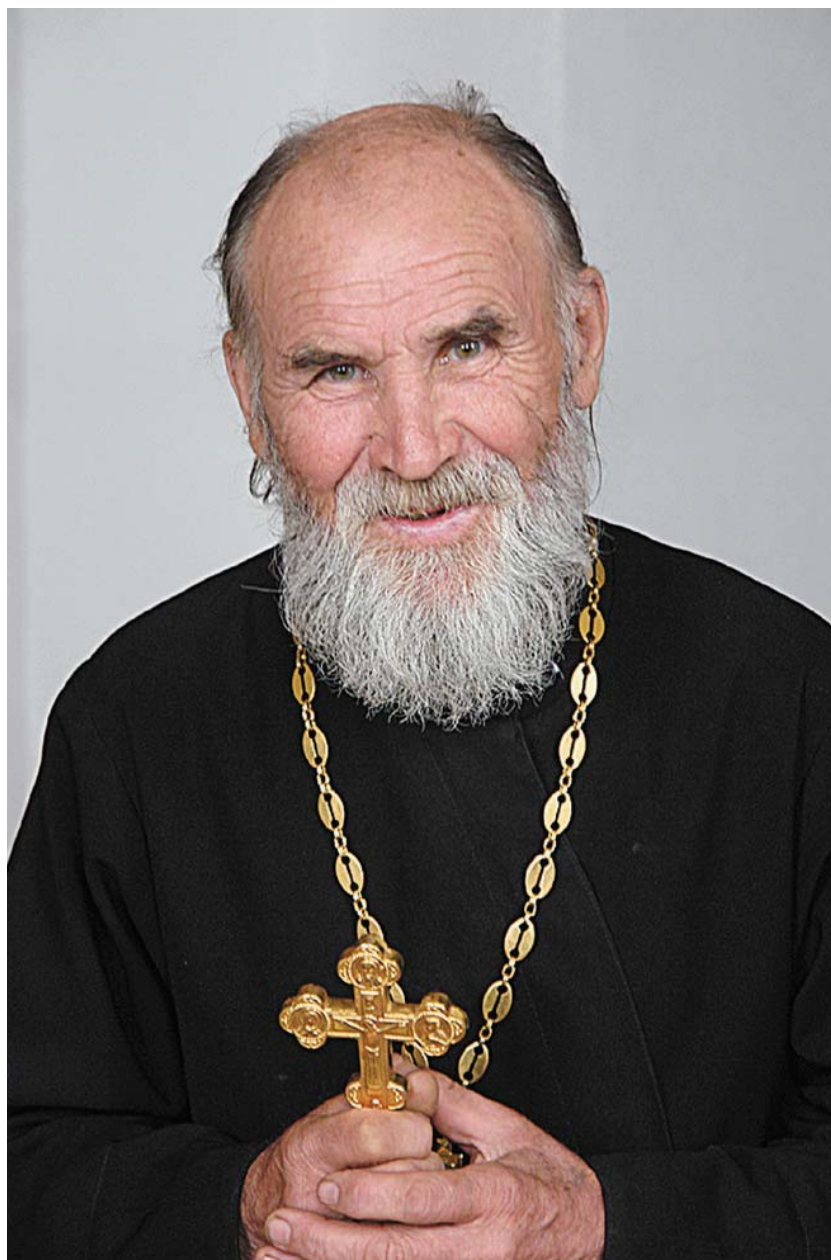

Село Мечетка – это почти в 150 км от Воронежа, недалеко от Боброва. Когда-то, несколько лет назад, судьба занесла меня сюда и очень удивила огромная церковь. Сретенский храм в Мечетке по размерам сравним с Покровским собором в Воронеже.

Попробуй обустрой такую территорию в условиях сельской глубинки. На полу просматривалась разметка спортплощадки, сделанная, видимо, в лихие времена осквернения святынь. Деревянный пол и едва-едва обустроенный алтарь, солея... для того только, чтобы можно было хоть как-то проводить службы – вот что осталось в памяти с тех лет. Еще запомнился добрый батюшка, который сначала долго спрашивал, кто мы и откуда, а потом рассказывал про храм, про отца Серафима – старца, с которым он когда-то служил. И уже провожал нас как родных, перекрестив машину, пожелав всяческих благ и чуть не прослежившись. Как-то наивно по-детски и очень по-доброму. Давно хотел заехать сюда еще раз, уже один, просто к батюшке на чай. Не выгонит же, наверное? Хотя и точно не вспомнит меня.

В начале года еще, проезжая мимо по своим делам, решил-таки заехать в Мечетку. От трассы 25 км крюк, зима, вечер темно, наверное, батюшка должен быть дома, если, конечно, он еще служит тут, а не переведен в другое место.

Когда ехал по дороге к селу, мучило тяжелое чувство. Ни одной машины, ни встречной, ни попутной. Никаких намеков, что здесь бывают люди. Только покосившиеся ржавые стеллы по пути со сгнившими серпами-молотами. С каждым километром на душе становилось все тревожнее. Казалось, что Мечетка – это тот самый край света, за которым больше ничего нет. Село встречало кладбищем, которое в свете зимней луны органично дополняло мое душевное состояние. Жуткое место, неужели здесь живут люди? Не дай Бог тут застрять в снегах! Добрым сло-

есть отец Николай! Надо же, не ошибся!

— Кто там?

— Батюшка, путника на чашку чая пустите?

— Какого путника? Вы кто? Я никого не пушу, уже поздно, извините, я вас не знаю! — донесся голос уже во дворе за забором.

М-да, не ожидал, что он испугается. Действительно, ночь уже, что он подумал, какой еще путник тут может быть? Ерунда полная. Что же делать?

— Я вас не пушу, извините, я вас не знаю и уже поздно, — продолжает голос явно испуганный.

— Да, да. Я понимаю. Батюшка, примите жертву тогда? — И протягиваю через забор бутылку заранее припасенного кагора «Массандра», который мало где можно в Воронеже купить, а уж в селе тем более. Священники любят использовать его в алтаре.

Калитка открывается.

— Ну, заходите, что вы хотели? Чай?

Батюшка крайне удивлен и немного испуган, но выполняет «христианский долг», видимо, не исключая мысли, что я — это и есть его последнее испытание в этой мирской жизни. Я пытаюсь его успокоить

— Батюшка, я с миром, я не опасен! — Но он меня, кажется, не слы-

вом вспомнил проданный недавно Лендкрузер, эх, на легковой машине тут вдвойне неприятно. Однако деревенька не маленькая! Но впечатление такое, что «жизни тут нет». Единственный человек курит возле своего дома: «Здравствуйте! А где тут церковь у вас?» Мужик смотрит на меня, как на инопланетянина. В глазах читается: «Ты вообще кто, откуда ты тут взялся в такое время на такой машине и зачем тебе церковь сейчас ночью?».

По наводке нахожу-таки храм. Помню — дом батюшки прямо напротив алтаря. Выбираю, вспоминая какой же именно... стучу ключом в окно, в котором горит тусклый свет.

В окне появляется лицо хозяина, которое через зимнюю муть стекла как две капли воды похоже на лик Николая Чудотворца. Точно! Это и

шит. Чувствую себя неловко.

— Вот у меня кофе, вот сахар, вот кипяток. Пожалуйста! Как вы вообще

сюда попали ко мне?

— По дороге приехал!

Батюшка уже вроде не боится меня, но до сих пор не может понять, что мне надо и откуда я взялся. Не зная о чем со мной вообще поговорить, начинает рассказывать:

— А я вот тут книгу читаю интересную.

На подставочке на столе, как школьный учебник, лежит книга церковного содержания.

— А что за вино вы мне привезли? Я должен попробовать, прежде чем давать людям, вдруг оно какое-то отравленное.

И он наливает себе несколько столовых ложек из моей бутылки прямо в кофе.

— Так ты кто, откуда, с кем живешь?

Так мы и познакомились с отцом Николаем, который когда-то жил в Москве, потом судьба забросила его сюда, в Воронежскую область. Живет теперь в старой дырявой избе и пишет иконы собственноручно. Дом его завален тысячами тюбиков с красками и десятками недоделанных икон. Быт отца Николая неопишимо аскетичен. Одна тарелка, пара чашек и ложек... ничего лишнего в доме. Кипяток с электроплитки в ковшике, отопление — печка. Минимум вещей. Много маленьких икон на столе и горящая лампадка. Свежие церковные журналы, грамота от митрополита...

— Как же Вы оказались в этой глухомани, отче?

— Послали, вот и служу тут теперь, — без особого негодования говорит отец Николай.

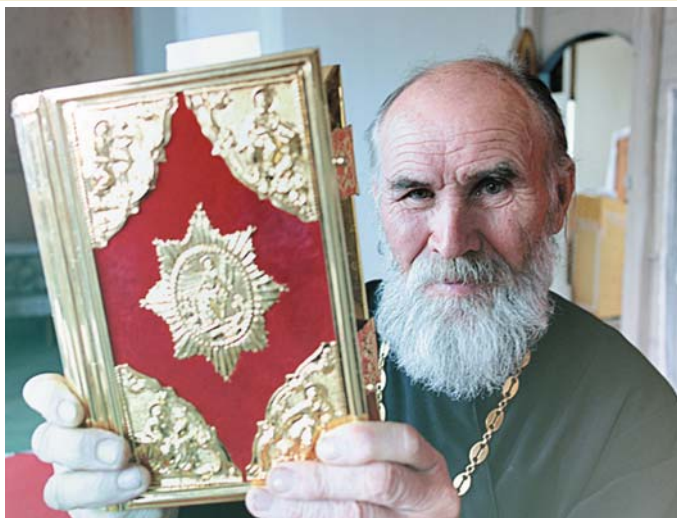
Судя по всему, ему тут не так уж и плохо. Блага цивилизации ему особенно-то не нужны. Нет даже телефона ни сотового, ни обычного.

— Отче, отпустите мне грехи?

— Э-э, это надо на службе! А ты сам молись, чтобы Бог простил, вот смотри!

И он берет молитвослов и начинает читать из вечерних, с выражением:

— Господи, Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, умилосер-

дися и помилуй мя грешного раба Твоего, и отпусти ми недостойному, и прости вся, елика Ти согреших днесь... Вот! Вот это и читай!

И я продолжаю по памяти, сидя с чашкой кофе: «яко человек, паче же и не яко человек».

Батюшка, сделав паузу, тоже дальше говорит по памяти: «но и горее скота, вольныя моя грехи и невольныя, ведомыя и неведомыя».

И снова я: «яже от юности и науки злы и яже суть от наглства и уныния»...

После этого повисла тишина...

— Ты прости, что я тебя так принял с недоверием. Я же не знал, кто ты.

А знаешь, какие случаи бывают, священников убивают прямо в храмах даже... Ты заезжай еще, я буду за тебя молиться!

Это была наша, можно сказать, первая встреча.

Дом отца Николая — это просто хижина, через стены можно здороваться, протягивая руку в дыры. Как он тут живет, бедняга? На Пасху, когда я заехал к нему в очередной раз, батюшка обрадовался, мы вместе пели «Христос Воскресе» и ели приготовленную «коллективно», из чего Бог послал, окрошку. Причем, мяса

отец Николай, говорит, не ест совсем.

— А рыбу?

— О! рыбу и Христос благословлял есть! Ем иногда, правда, очень редко. А в Великий пост вообще долго ничего не ел. Ослаб... А когда не смог уже говорить, тогда пришлось поесть немного, чтобы нормально служить.

— Зачем же так себя мучить?

— А мне как-то не до этого. Я все в храме, надо восстанавливать, иконы дописывать. Я там простудился очень.

— А отопление, что, нет?

— У! да ты что, за отопление, знаешь, сколько надо? Мильен! Вот! А где его взять?

В очередной визит в Мечетку мы пошли-таки в храм, на экскурсию.

Отец Николай надевает подрясник и преображается! Заходя в алтарь, батюшка снимает обувь. В городе такого трепетного отношения к алтарю, пожалуй, уже не

встретишь. Порядок идеальный даже для городского храма, а уж для сельского... Помня, какой хаос царит у него в доме на кухне, удивляюсь:

— Батюшка, а кто ж в алтаре убирает, хозяйничает? У Вас-то возраст немалый уже, за 70 — все-таки трудно!

— Я сам и убираю! Сам все делаю, вот иконы над воротами заканчиваю писать. Тяжело одному. Ты бы приезжал ко мне пожить, помог бы мне бревна таскать, храм обустроить, мы бы и послужили вместе, а то я почти все тут один делаю.

— Заеду, как смогу, отче!

Батюшка благословляет и обнимает меня на прощание, как равного, как своего.

— Ну, дай Бог тебе жену хорошую, чтобы машина не подводила и чтобы денег хотя бы тысяч 50 в месяц получать минимум!

— Да, — улыбаюсь, — спаси Господи!

...Дай Бог всем!

Фото автора

